

ВВЕДЕНИЕ

ВЫСОКИЕ СТАВКИ ЛЖИ

«Мой сын Билли солгал мне, а ведь ему всего пять лет. Нормально ли это?»

«Когда моя дочь Джоанна говорит мне, что она не курит травку, я знаю, что она врет, но у меня нет доказательств. Что мне делать?»

«Майкл все время врет. Когда же он, наконец, повзрослеет и прекратит лгать?»

«Хизер не рассказывает мне, чем занимается на свиданиях с молодым человеком. Она говорит, что это не мое дело. Но разве я не имею права знать, что происходит? Я же просто хочу защитить ее».

«Когда мой ребенок врет, меня беспокоит, что, возможно, именно я подталкиваю его к этому».

Вот о чем беспокоится большинство родителей. Вы испытываете шок, когда вам говорят: «Моя дочь от души повеселилась у вас на вечеринке на прошлой неделе. Она сказала, что вы и Мэри Энн были так деликатны — никто и не заметил, что вы присматривали за гостями!»

И вот так я понял, что мой приемный сын Том, которому тогда было 13 лет, солгал мне. Он, видимо, устроил вечеринку летним вечером в нашем загородном доме (в городке Инвернесс, что в 40 милях от Сан-Франциско). Я быстро сообразил, что это произошло в тот день, когда мы с моей женой Мэри Энн уехали по делам в город с ночевкой.

Тому было известно, что вечеринки проводятся под присмотром взрослых. Родители в Инвернесс доходчиво объяснили

это своим детям. Особенно после того, как мы обнаружили, что некоторые подростки употребляли алкоголь на празднике прошлым летом. Мы не хотели, чтобы подобное повторилось.

За несколько недель до того я сам предложил Тому устроить вечеринку и пригласить гостей. «Нас с матерью ты не увидишь и не услышишь, — пообещал я ему. — Мы вообще останемся в студии». Маленький дом-студия находился в 50 ярдах от нашего загородного дома и скрыт за деревьями. Том рассеянно кивнул, и я забыл об этом разговоре.

Я задумался, пытаюсь связать воедино цепь событий, а мать, которая поблагодарила меня за праздник, теперь забеспокоилась. «Но ведь там действительно *была* вечеринка, правда?» — спросила она, надеясь услышать утвердительный ответ. А я был поражен, и в то же время мне было стыдно. «Ну да, конечно», — пробормотал я и ретировался. Спустя несколько минут меня охватили обида, разочарование и гнев. А потом, гораздо позже, мне стало смешно.

Это же меня — меня! — одного из признанных экспертов в области лжи, уже дописавшего до середины книгу о детях и лжи, надул собственный сын! Я представил, как глупо выгляжу в глазах моих друзей. Мне было стыдно даже из-за того, что мне было стыдно. А потом я застыдился еще больше, потому что сам соврал этой матери, сказав, что мне было известно о вечеринке.

Как раз за год до описываемого случая я опубликовал работу «*Психология лжи*», посвященную лжи взрослых и основанную на 20-летнем опыте исследований. Хотя Том не читал этой книги, он прекрасно знал, что я — специалист в данной области, и очень гордился, когда меня приглашали на телевидение рассказать о книге. Ему известно, что я прекрасно вижу, когда кто-то лжет, обращая внимание на выражение лица, жесты или изменения в голосе. Как-то он сказал, что его друзья посочувствовали ему, мол, наверное, трудно жить, когда твой отец мгновенно распознает, что ему врут. Им было интересно,

получалось ли у Тома когда-нибудь обмануть меня. Том на это ответил, что даже пробовать бесполезно.

Но, как выяснилось, ему это удалось. Мне было интересно, произошло ли это потому, что он захотел проверить свои силы и узнать, так ли крут этот «старик», как говорят. В конце концов, Том вступал в пору отрочества и юности, а в этот момент подросток, как никогда, стремится подчеркнуть свою обособленность от родителей. Это старая, как мир, проблема отцов и сыновей, матерей и дочерей.

Большинству взрослых обман, который совершил Том, не показался бы серьезным проступком. Но даже такая распространенная попытка солгать вызывает у родителей серьезные вопросы.

Матери и отцы не только теряются в догадках, как поступить с ребенком, который их обманул; многие из них просто не понимают, каким образом реагировать на эту ситуацию. Нас охватывает то гнев, то чувство вины, то отрицание, что все это действительно произошло, то стремление возложить на себя ответственность за детское вранье, то желание наказать ребенка, то готовность махнуть на все рукой.

Мы с Мэри Энн очень огорчились из-за секретной вечеринки, которую устроил Том. А еще мы были шокированы не масштабом его лжи, а ее последствиями. Мы всегда доверяли Тому. Мы хвастались, что если он пообещал быть дома к шести вечера, то так и будет. Мы доверяли ему во всем. А это вранье было настолько на него не похоже. Почему он вдруг так изменился?

Немного придя в себя и поостыв, я перестал чувствовать, что меня предали, и просто испытал разочарование. Затем я начал думать, что сам виноват в том, что Том соврал. Может быть, было ошибкой слишком доверять ему и оставлять 13-летнего подростка на ночь одного? Возможно, эта его тщательно спланированная ложь, воплотившаяся в действия, обозначала, что как родитель я потерпел фиаско? Я, должно быть, что-то сделал не так, совершил множество промахов, раз мой сын обманул

меня, — вот что я думал тогда. Понадобилось много времени, чтобы снять с себя это бремя ответственности за случившееся.

Сначала я хотел поймать Тома на лжи. Он обманул свою мать и меня, хитрил и таился, и я испытывал огромное желание поквитаться с ним. Теперь преимущество было на моей стороне. Он даже не знал, что я в курсе всего, что случилось. Я думал, что испытаю его и проверю, сможет ли он солгать, глядя мне в глаза. Можно было его спросить: «Послушай, Том, а чем ты занимался в прошлую субботу вечером, когда мы с мамой были в городе?» Я мог бы слегка надавить на него и поинтересоваться: «Том, а кто-нибудь был у нас дома в прошлую субботу вечером?» Или мне нужно было просто сказать ему, что мне все известно, чтобы ему не пришлось врать и изворачиваться? Если бы меня так не интересовала проблема детской лжи, может быть, я отреагировал бы по-другому. Я мог бы дать волю гневу и не полагался бы на здравомыслие, пытаясь отомстить, вместо того чтобы вызвать его на откровенный разговор.

Однако легко сказать «вызвать на откровенный разговор». Здесь столько возможных вариантов, и никогда не знаешь наверняка, какой из них будет наиболее удачным.

Прошло несколько минут с того момента, как мама приглашенной на вечеринку девочки невольно выдала секрет Тома. Я знал, что Том где-то поблизости, и отправился его искать. Он кормил чаек на берегу моря. Я окликнул его. «Я очень расстроен, — сказал я, чувствуя, как кровь приливает к лицу, и изо всех сил стараясь не разозлиться еще больше. — Мне только что рассказали, что ты устраивал вечеринку на прошлой неделе тайне от нас, и ты скрыл это от меня».

Он был явно поражен, на его лице отразились вина и ужас, и мой гнев тут же прошел. Мне вдруг стало жаль и его, и себя, потому что я вдруг вспомнил, каково это — быть уличенным во лжи в этом возрасте. «Я не хочу сегодня обсуждать это, — сказал я спокойно. — Мне нужно хорошенько все обдумать, но это очень серьезно. Я хочу, чтобы ты об этом поразмыслил

и объяснил завтра утром, что ты сделал и что, как ты считаешь, мы с мамой должны в связи с этим предпринять».

По опыту я знал, что Том всегда ждет драконовских мер в качестве наказания за проступки и что его воображение рисует гораздо более ужасную кару, чем то, на что мы с его матерью были способны. Я решил: пусть он поволнуется и поразмыслит, а у меня будет время все обдумать, чтобы меня снова не захлестнул гнев.

На следующее утро, посоветовавшись, мы с женой приняли решение не отпускать Тома никуда из дома в течение целого месяца, в том числе гулять по вечерам и ходить к друзьям в гости. Мы объяснили, что поскольку больше не можем ему полностью доверять, то он не должен задерживаться вне дома допоздна. И в оставшуюся часть лета он не оставался один в нашем загородном доме в Инвернесс, когда мне нужно было уезжать в город на ночь. Я брал его с собой в Сан-Франциско, а на следующий день мы вместе возвращались. Том скучал, но настоящее наказание настигло его осенью, когда он собирался принять участие в субботнем городском празднике, на который мы обычно отпускали его на весь вечер. Но не теперь. Он должен был уехать с нами и пропустить вечеринку. Мы ограничили его свободу не для того, чтобы наказать, это было последствием того, что он совершил. Конечно, он получил урок на будущее. Он осознал, как трудно жить с людьми, которые больше тебе не доверяют. И для нас это тоже было трудно.

С тех пор прошло два года, и сейчас, когда я пишу эти строки, мы впервые снова позволили Тому остаться одному на всю ночь. Он стал старше, и мы за это время не раз обсуждали тот случай. Всякий раз, когда возникала мысль, что у него может появиться искушение соврать, я более тщательно подбирал формулировки, чтобы он был заинтересован сказать правду. Я не спрашивал: «Кто разбил эту вазу?» или «Это ты разбил вазу?», я говорил: «Напрасно мы поставили вазу в таком ненадежном месте, ее легко было разбить. Это ты разбил или твоя сестра?»

Я приложил все усилия, чтобы донести до него, в чем опасность секретных вечеринок, объяснить, почему взрослые непременно должны присматривать за молодежью. Иногда я напоминаю ему о том, что случилось примерно полгода назад. К Тому в субботу вечером пришли друзья. Мы с Мэри Энн уехали за покупками и взяли Еву, нашу дочь, с собой, а Том с друзьями остался играть в пинг-понг и смотреть телевизор. Мы вернулись домой через пару часов, открыли дверь и оказались в облаке угарного газа, хлынувшего нам навстречу. Весь верхний этаж дома был заполнен ядовитым удушливым дымом. После того как мы быстро распахнули окна и двери и спешно вывели всех наружу, мы обнаружили, что Том с друзьями жарили каштаны в камине на открытом огне. К тому же они забыли, что нужно приоткрыть заслонку в трубе, чтобы продукты горения и угарный газ выходили наружу. Не такая уж серьезная ошибка, но она могла всем дорого обойтись.

Я думаю, что Тома эта история убедила в том, как легко компания молодежи, оставленная без присмотра, может, сама того не подозревая, попасть в беду и почему важно, чтобы родители были где-то рядом. Прежде чем вновь позволить Тому остаться дома одному без присмотра, я постарался, чтобы он понял: мы хотим убедиться в том, что можем опять доверять ему. Мне не пришлось напоминать ему о том, что если он эту поверку не выдержит, другого шанса у него не будет.

Ложь — очень серьезное испытание для семейной жизни. Представьте, насколько будет сложно и неловко, если мы никогда не сможем верить людям на слово. Ведь нельзя проверять все, что нам сказали. Приходится верить тому, что нам говорят, пока мы не наткнемся на ложь. И тогда мы учимся не доверять человеку. Это открытие разрушает отношения. Что будет, если мы начнем сомневаться во всем, что говорит нам наш ребенок, друг или спутник жизни? «Я сегодня вернусь поздно, у меня много работы». (Неужели это служебный роман?) «Я уже сделал уроки». (Правда сделал или начинается любимая передача по телевизору?)

Это не значит, что все и всегда должны говорить только правду или что мы должны быть уверены в этом. Иногда из вежливости приходится немного исказить факты. «Было очень вкусно, просто я как-то быстро наелся», — говорим мы в гостях, если хозяйка не очень хорошо готовит. «Простите, что не смогли выбраться к вам, нам не с кем было оставить ребенка», — извиняются соседи, потому что они не хотели провести скучный вечер. Чувство такта порождает недомолвки, приукрашивание действительности и иногда такие слова, которые не совсем соответствуют реальному положению дел.

Покойный профессор Эрвинг Гоффман, один из ведущих американских социологов, считал, что общение — это спектакль, в котором каждый из нас играет ту роль, какую от нас ожидают окружающие. С этой точки зрения никто никогда не говорит правду, и вообще дело здесь не в правде. Важно следовать неписанным правилам общения. Я согласен с профессором Гоффманом. Человек может проявить о вас заботу, утаивая правду, чтобы не ранить ваши чувства. Иногда ложное сообщение намекает нам на то, чего от нас ожидают. Когда я утром спрашиваю секретаря: «Как дела?», мне на самом деле не хочется услышать в ответ, что все плохо, потому что она поссорилась с сыном. Я хочу услышать от нее, что она настроена на плодотворную работу, и она подтверждает это, отвечая мне: «У меня все хорошо».

Но из этого правила бывают исключения, если кто-то не играет соответствующую социальную роль, а говорит откровенную ложь в момент, когда вы ему абсолютно доверяете. Если вы поняли, что вас обманули, вы будете вести себя иначе, ваши планы изменятся и вы по-другому начнете относиться к этому человеку. И то, что он приобретет или потеряет в таком случае, важно и для него, и для вас. Ставки очень высоки. Столкнувшись с ложью, вы чувствуете, что над вами совершили насилие. Это больно. Ваше доверие подорвано. Профессор Гоффман назвал это неприкрытой ложью.